

Целью рецензируемой монографии является изучение межъязыковой эквивалентности в рамках контрастивной лингвистики. Автор исследует степени эквивалентности как отдельных сопоставляемых единиц, так и различных подсистем. Это способствует выявлению типологических свойств изучаемых языков. В рецензируемой книге межъязыковая эквивалентность изучена на материале русского и немецкого языков весьма детально, с различных точек зрения, на уровне современных достижений лексической семантики.

Значение результатов данного исследования состоит, на наш взгляд, прежде всего в том, что в монографии впервые проводится системный сопоставительный анализ лексико-семантических сфер русского и немецкого языков, а также впервые систематизируются и описываются сходства и различия между лексическими единицами и лексико-семантическими группами русского и немецкого языков.

Книга отличается четкостью композиции, ясной логикой построения, четкостью изложения материала, постановки задач и их решения. Вслед за двумя главами теоретического характера (в первой в изучаемом аспекте рассматриваются современные семантические теории, во второй — проблема эквивалентности) следуют три главы, в которых описывается материал сопоставляемых языков. Исследование построено по принципу от частного к общему: третья глава посвящена степеням эквивалентности слов, четвертая — эквивалентным отношениям в составе лексико-семантических групп, пятая — сходствам и различиям в лексико-семантических системах. Таким образом, проблема эквивалентности поставлена очень широко. Каждое изучаемое явление получило весьма интересную и глубокую интерпретацию; при этом выявлены и описаны многочисленные факторы, влияющие на установление всех этих разнообразных видов эквивалентности в русском и немецком языках.

Отметим наиболее важные и интересные наблюдения и выводы, сделанные в монографии (не претендуя, конечно, на полное перечисление всех заслуживающих внимания положений монографии). В первой главе дан анализ генеративной теории, теории семантических признаков, теории семантического поля и теории прототипов и выявлены общие черты данных теорий,

относящиеся к межъязыковой эквивалентности. Во второй главе сопоставляются лексемы исходного языка с лексическим полем сопоставляемого языка, а также выделяются типы структур этих полей. Здесь же анализируются факторы, релевантные для установления межъязыковой эквивалентности в словаре и в тексте. И в дальнейших главах различение эквивалентности в словаре (или в системе) и в тексте (речи) проводится при рассмотрении всех видов эквивалентности. В третьей главе эквивалентность слов рассматривается с точки зрения теории семиотического (или семантического) треугольника, то есть с точки зрения внешней формы знаков, а также с точки зрения сигнификатов и денотатов сопоставляемых слов. Подробно описаны различные виды отношений между этими словами применительно к каждой из названных "сторон" этого треугольника. В четвертой главе изучаются факторы, создающие сходства и различия в составе синонимов и антонимов сопоставляемых языков. Наконец, в пятой главе в результате применения статистических методов выявлены сходства и различия в лексико-семантических системах. Выявлено, в частности, что в немецком языке по сравнению с русским однозначные слова встречаются чаще.

Сравнение лексических единиц разных уровней абстракции сочетается в монографии с описанием многообразных языковых и экстралингвистических факторов, создающих сходства/различия на разных уровнях лексической системы, и с описанием различных параметров, характеризующих эти сходства/различия. Так, в монографии проанализированы денотативные, сигнификативные, коннотативные, грамматические и частотные характеристики сопоставляемых слов; их лексическая, синтаксическая и ситуативная сочетаемость, внешняя форма, внутренняя форма и словообразовательные свойства, нормативно-стилистические, системно-понятийные и ситуативно-комбинаторные особенности. Изучены национально-культурные и социальные факторы, обусловившие сходства и чаще — различия или лакуны в соответствующих лексических подсистемах обоих языков. Анализ всех этих явлений проведен весьма тщательно и квалифицированно.

Работа, оцениваемая мною весьма

высоко, содержит и дискуссионные или недостаточно (на мой взгляд) аргументированные положения; имеются и отдельные неточности (их немного) в интерпретации материала.

1. Несмотря на то, что понятие эквивалентности единиц двух языков в работе уделяется очень большое внимание, остается все-таки впечатление некоторой недосказанности в разработке этого важного понятия (хотя практическое установление отношений эквивалентности интуитивно в большинстве случаев возражений не вызывает). Излагая общие черты, присущие каждой из рассмотренных в первой главе теорий, автор в качестве одной из таких черт приводит такое понимание эквивалентности: "эквивалентными считаются конструкции, базовые структуры которых в разных языках совпадают, при этом допустимы различия в способах их выражения" (с. 59). В "Заключении" (с. 192) это же определение повторяется уже как собственный вывод автора. Кажется, эта достаточно общая формулировка не дает надежной базы для эксплицитной интерпретации материала. Может быть, поэтому автор опирается на такой прагматический критерий: «под "корреспондирующими лексемами" автор понимает исходную лексему и то соответствие, которое дается в переводных двуязычных словарях в качестве первого варианта» (с. 97). Это определение дано в середине монографии, хотя до этого прилагательное "корреспондирующий" неоднократно употреблялось для обозначения соотношения лексем двух языков. Наряду с этим термином в том же, по-видимому, значении в монографии употреблялись термины "соотнести", "соответствует". В связи со сказанным отметим и тот факт, что в заключительной главе монографии автор пользуется лишь понятием "рабочий эквивалент", подбирая соответствия девятистам русским словам, отображенным с целью выявления степени многозначности лексик каждого из языков. Показательно, что при этом, по словам автора, "основным принципом при подборе эквивалентов был тот же, что и при определении корреспондирующей лексемы — бралась первая лексема из списка, приведенного в словарной статье русско-немецкого словаря" (с. 177). Итак, необходимость в уточнении понятия эквивалентности диктуется тем, что приведено достаточно общее и малоинформативное определение, а в интерпретации материала теоретическое определение не используется, вместо него используются лексикографические "рабочие" приемы.

2. На с. 69, 70 Е.Г. Которова пишет: "Лексическая единица исходного языка соотносится, как правило, в зависимости от различных контекстных и ситуативных условий, с целым рядом лексических единиц сопоставляемого языка". В основном с этим утверждением следует согласиться, как и с описанием типов "корреспондирующих" полей, включающих эти лексические единицы сопоставляемого языка (с. 70 и далее). Однако, в связи с приведенным утверждением и следующим за ним описанием типов полей, хотелось бы обратить внимание на два вопроса — один частного, другой более общего характера.

Частный вопрос относится к сочетанию "как правило" в приведенной цитате из монографии. Его упоминание означает, что автор сводит к минимуму существование полных эквивалентов, переводимых одним словом. Между тем о полных эквивалентах говорится с разных точек зрения в разных местах монографии: *хирург* — *Chirurg* (с. 92); *wodonad* — *Wasserfall* (с. 97) и др.; *Grippe* — *грипп* (с. 113), ср. также с. 101, где полная эквивалентность названа в числе основных типов межсловных эквивалентов. В публикациях и докторской диссертации В.В. Дубичинского [Дубичинский 1995], весьма близких по теме к рецензируемой монографии, но отсутствующих в списке литературы, такого рода одно-однословные соответствия названы полными лексическими параллелями и составляют одну из основных групп того, что автор называет лексическими параллелями (правда, в работах В.В. Дубичинского описываются внешне сходные единицы русского, английского, французского и испанского языков, но нет, по-видимому, оснований полагать, что русско-немецкие отношения в указанном смысле отличаются от отношений русского языка с перечисленными языками).

Второй вопрос, относящийся к соотношению "лексема одного языка — поле другого языка", состоит в следующем: как связана эта проблема с проблемой моносемии — полисемии; иначе говоря, в каком случае наличие поля (т.е. ряда соотносительных слов) означает многозначность лексемы исходного языка? Проблема полисемии эквивалентов рассматривается автором в другом месте (ниже, с. 105 и след.) и никак не связана с описанием соотношений "лексема — поле" и видов корреспондирующих полей; при описании полисемии используется другой материал (например, у нем. *Fuchs* больше значений, чем у русского *лиса*). Между тем вопрос о полисемии — моносемии исходных слов,

сопоставимых с несколькими иноязычными словами, естественно возникает уже при знакомстве с описанием отношений "лексема — поле". Остается неясным, создают ли "различные контекстные и ситуативные условия" (о которых говорит автор на с. 69, 70), влияющие на соотношенность с тем или иным словом корреспондирующего поля, полисемантичность исходного слова или их следует рассматривать как контекстные разновидности одного значения. Если это полисемия, то, может быть, соотношенность следует устанавливать на уровне каждого из значений, и тогда во многих случаях нет оснований говорить о наличии ряда эквивалентов, то есть о наличии поля? Во всяком случае кажется несомненным, что уже при описании видов корреспондирующих полей (то есть при первом обращении автора к конкретным примерам эквивалентности) следует различать соотношенность моносемантического и полисемантического слова с их эквивалентами в другом языке.

Рассмотрим сказанное на некоторых примерах. Соотношение *Hals* — шея, горло — приведено (с. 71) в качестве примера соотношенности лексемы (*Hals*) с корреспондирующим полем, имеющим "расщепленное ядро" (шея, горло). О том, является ли для автора нем. *Hals* полисемантическим или моносемантическим, ничего не говорится. В двуязычных словарях у нем. *Hals* обычно выделяется два значения: 1. 'горло', 2. 'шея'.

Другие приведенные соотношения сложнее и тесно связаны с еще одной проблемой — проблемой эквивалентности слова в словаре и тексте. Неясным остается такой, например, вопрос: означает ли эквивалентность слов *fliegen* и *скользнуть* в некоторых контекстах их эквивалентность в системе языка и наличие у нем. *fliegen* языкового значения 'скользнуть' (Ср.: *Ein Lächeln flog über sein Gesicht* и *Улыбка скользнула по его лицу* — с. 70). Автор не ставит этого вопроса, но, по-видимому, ответ был бы отрицательным. Очевидно, в предложении *Ein Lächeln flog über sein Gesicht* сохраняется сема "полета", которая объединяет основные употребления этого глагола. Эта сема неизбежно терется при переводе на русский язык, поскольку узус, по-видимому, не допускает русского **Улыбка пролетела по его лицу* и глагол *скользнуть* не может рассматриваться в качестве полного эквивалента *fliegen* (русско-немецкие словари в качестве такого эквивалента дают не этот глагол, а *gleiten*, *glischen* и др.). Входит ли в таком случае

глагол *скользнуть* в одно поле с глаголом *лететь* или это не "одного поля ягоды"? С еще большим основанием подобный вопрос может быть поставлен по отношению к таким русским глаголам, приведенным в качестве эквивалентов к глаголу *fliegen*, как *вести*, *окинуть* и др. Ср. эквивалентные контексты, приведенные в монографии (с. 70): *der Pilot fliegt diese Maschine zum ersten Mal* — *летчик ведет этот самолет в первый раз*; *seine Augen flogen über die Versammlung* — *он окинул взглядом собрание* (в последнем случае не эквиваленты и другие слова).

Во многих других местах автор специально рассматривает и решает вопрос о наличии системных или контекстных значений у эквивалентов, и с интерпретацией некоторых соотношений трудно полностью согласиться. В разделе "Эквивалентность в тексте" (с. 79 и след.) в качестве таких эквивалентов рассматриваются слова *Kopf* и *шапка*, эквивалентные в предложениях типа *Im Kopf der Zeitung kann man gewöhnlich auch ihren Preis finden* — *В шапке газеты обычно можно найти ее цену*. Такие употребления автор рассматривает как актуализацию "номинационных потенций обоих слов" (с. 80). С нашей точки зрения, речь идет не об актуализации потенций текста, а об обычном соотношении языковых эквивалентов (*Kopf* — *шапка* применительно к газете). Эти узуальные (языковые), хотя, конечно, и не прямые значения даются во всех толковых и двуязычных словарях. Если рассмотреть данный пример с точки зрения корреспондирующих полей (автор этого не делает), то получится, что *Kopf* корреспондирует по крайней мере с *голова* и *шапка*, а, судя по словарям, еще и с *шляпка* (гвоздя), *крючок* (клюшки), *головка* (булавки) и мн. др. Входят ли все эти слова в одно поле? Скорее всего нет, но тогда вопрос о полевой соотносительности слова *Kopf* и многих подобных многозначных слов остается неясным. Может быть, следовало бы говорить об их соотносительности с несколькими полями?

3. Некоторые возражения и уточнения хотелось бы сделать по поводу словообразовательной и грамматической интерпретации ряда явлений, рассматриваемых в работе. Почти все эти возражения и уточнения касаются отдельных конкретных фактов. Видимо, автору следовало бы предупредить читателя о том, что все заключения и выводы опираются на узуальный словарный состав и не касаются возможностей заполнения лексических

лакун потенциальной лексикой. Нежелательные отклонения от этого принципа в монографии единичны, ср. такое утверждение: "В русском языке слово *подруга* не имеет антонимов, поскольку в русском языке не может быть образовано существительное, обозначающее особу женского рода от слова *враг*" (с. 153). Точнее было бы говорить об отсутствии в литературном языке такого слова, поскольку возможность образования его присутствует – и это было бы воспроизведением устаревшего и областного *врагиня*, отмеченного только в словаре под ред. Д.Н. Ушакова.

Существительные *огнетушитель*, *водопад*, *землемер* относятся не к словосложению (с. 97), а к словосложению в сочетании с суффиксацией (суф. *-тель* для *огнетушитель* – при отсутствии узуального **тушитель*; и нулевой для *водопад* и *землемер* – при отсутствии узуальных **пад* и **мер*). То же относится и к немецкому *Feuerlöscher*.

Вряд ли следует говорить о "совпадении словообразовательных моделей" в случаях *паровоз* – *Dampflokomotive*, *мусоропровод* – *Müllschluck*, *небоскреб* – *Wolkenkratzer* (с. 98). В первом случае различаются способы словообразования (словосложение + нулевая аффиксация в случае *паровоз* и чистое сложение в случае *Dampflokomotive*; ср. отсутствие слова **воз* в значении, соотносительном с *паровоз*, и наличие слова *Lokomotive*), в остальных случаях различаются форманты: в *мусоропровод* и *небоскреб* суффиксы отсутствуют (нулевая суффиксация), а в *Müllschluck* и *Wolkenkratzer* имеется суффикс *-er*.

Вряд ли стоило безоговорочно приводить в качестве мотивированных слов существительные типа *столяр*, *очки*, *заяблик*. Скорее прав А.Н. Тихонов, рассматривающий их в своем "Словообразовательном словаре русского языка" в качестве исходных слов словообразовательных гнезд [Тихонов 1985]. В рамках теории степеней мотивации – это

слова далеко не первой степени мотивированности; для иллюстрации лучше было бы воспользоваться в монографии полностью мотивированными словами.

Глаголы *лететь/летать* и т.п. рассматриваются обычно не как одно слово (так в монографии на с. 70), а как два разных слова.

4. Как уже говорилось, монография Е.Г. Которовой опирается на серьезную базу многочисленных работ по современной семантике, лексикологии, типологии и т.д. Можно пожалеть, правда, о том, что, как уже говорилось, не использованы работы В.В. Дубичинского, а также о том, что в многочисленных теоретических экскурсах по лексикологии и семантике не использованы широко известные исследования Д.Н. Шмелева, отсутствующие в библиографии. Между тем, например, обсуждение проблемы синонимии не может быть полным без учета известного определения Д.Н. Шмелева: "Синонимы можно определить как слова, относящиеся к той же части речи, значения которых содержат тождественные элементы, различающиеся же элементы устойчиво нейтрализуются в определенных позициях" [Шмелев 1977: 196]. Эта проблема заслуживала бы специального рассмотрения – как и многие другие проблемы, интересно поставленные в монографии Е.Г. Которовой. Такое стимулирующее воздействие оказывают, как известно, все актуальные работы высокого уровня, к которым, безусловно, относится рецензируемая монография

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубичинский В.В. 1995 – Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: Автореф. дис. ... док. филол. наук. Краснодар, 1995.
- Тихонов А.Н. 1985 – Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1, 2. М., 1985.
- Шмелев Д.Н. 1977 – Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

И.С. Улуканов